

ИДЕИ СВОБОДОМЫСЛИЯ И СВОБОДЫ РЕЛИГИИ В РЕНЕССАНСНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ РАЗВИТОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (вторая половина XVI века)

Свободомыслие идей национально-культурного самоопределения периода Возрождения и Реформации – с. 170; Идеи свободы религии, правового общества и государства в ренессансном гуманизме – с. 174; Развитие свободомыслия и материалистическо-атеистическая тенденция в мысли второй половины XVI в. – с. 184.

Свободомыслие идей национально-культурного самоопределения периода Возрождения и Реформации

Во второй половине XVI в. в условиях наступления феодально-католической Контрреформации существенно актуализировалась проблема сохранения государственности и национальной культуры белорусского и украинского народов. Подобно Скорине, «... Богу ко чти и посполитым людям языка руского к наказанью и доброму научению», в 1562 г. в Несвиже С. Будным в соавторстве с М. Кавечинским и Л. Крышковским был издан «Катехисис, то есть наука стародавняя христианская... для простых людей языка руского...»¹. Одной из задач издания было пробуждение национально-патриотических чувств господствующего класса страны. С. Будный призывал своих патронов, молодых князей Радзивиллов, не забывать родной язык, язык предков: «... абы ся ваши княжацкие милости не только в чужоземских языцех кохали, але бы... и того здавна славного языка словенского розмилovati и оным ся бавити рачили». Уважительное отношение к национальной культуре, по убеждению Будного, даст «... всим иншим с себе добрый взор и приклад» и послужит благу «отчизны»².

Вопрос о сохранении и развитии белорусской культуры и национального языка был поставлен деятелями реформационно-гуманистического движения не случайно. Стремясь к увеличению числа своих сторонников, они ратовали за использование живого белорусского языка в церковном богослужении и религиозной письменности, делали книгу доступной широкому кругу читателей³. Кроме того, становление протестантизма проходило в условиях противоборства с католической экспансией, особенно усилившейся после Люблинской унии 1569 г. и сопровождавшейся процессом полонизации белорусских и литовских магнатов и шляхты, которые в угоду сословно-классовым интересам отказывались от родно-

¹ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / уклад., уступ. арт. і камент. У.Г. Кароткага. Мн., 1991. С. 29, 24.

² Там же. С. 25–26.

³ См.: История белорусской дооктябрьской литературы. Мн., 1977. С. 136.

го языка, обычаев и других традиционных основ своего народа⁴. На основе общности прав, привилегий, католической идеологии и польского языка складывалась феодально-этническая общность – «народ шляхетский». В среде господствующего класса утверждалась формула «*genere Ruthenus, natione Polonus*»⁵ – «по рождению русин, по народности поляк». Политика языковой полонизации-латинизации интенсивно проводилась правительством Речи Посполитой.

Одним из первых на опасность полонизации правящего класса, грозящей существованию национальной культуры народа, обратил внимание друг и единомышленник Будного Василий Тяпинский. Движимый национально-патриотическими побуждениями, он, «з зычливости ку моей отчизне» и «своей Руси услужующий»⁶, осуществил издание нескольких книг Евангелия, снабдив их предисловием, в котором утверждал национальное достоинство белорусского народа, его культуры и языка, защищая их от полонизации. Тяпинский был глубоко обеспокоен состоянием национальной духовной культуры, и в частности упадком просвещения на родном языке, в результате чего детей «не без встыду своего» приходится отправлять в школы «полские або в иные писма». Чуждающихся «наук в слове своем» мыслитель призывал вспомнить славные культурные традиции славянства, гордиться предками, которые заботились о благополучии и процветании отчизны. Ныне же, по мнению мыслителя, воцарилось «марнотрацтва», народ доведен до «неумеетности». Выход из создавшегося положения Тяпинский усматривал в поддержке просвещения, национальной культуры со стороны «зацных панов», поднятии морального и образовательного уровня духовенства⁷. Высказанные им идеи о необходимости просвещения и богослужения на родном языке, создании национальных школ оказали благотворное воздействие на становление культуры и национального самосознания белорусского народа.

Проблема языка и национальной культуры была в значительной мере осложнена конфессиональными противоречиями, которые усилились со второй половины XVI в. Политическая интеграция земель Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Короны, активизация контактов с польской культурой привели к расширению влияния на белорусских и украинских землях Католической Церкви и польского языка. «Позавидели их обычаем, их мове и наукам... у науки Римские свое дети давати почали; которые з науками своими все панство Руское до веры Римское привели, иж потомкове княжат Руских з веры православной на Римскую выкрестилися, и назвиска и имена собе поотменяли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивых прародителей своих. А за тым православие Греческое озимнело и

⁴ Карнейчык Я.І. Беларуская нацыя: гістарычны нарыс. Мн., 1969. С. 28–29; Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя / саст. В.К. Бандарчык, І.У. Чаквін, І.Г. Углік і інш. Мн., 1985. С. 91.

⁵ См.: Пашута В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 178.

⁶ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избран. произведения XVI – начала XIX в. Мн., 1962. С. 87–88.

⁷ См. там же. С. 89–90.

у взгорду пришло и во занедбание...»⁸, – писал автор анонимного трактата «Перестрога». Часть «русского» духовенства и православных деятелей культуры видела выход из создавшейся ситуации на пути культурно-религиозной изоляции, отрицания «латинской» образованности (Загоровский сборник)⁹. Однако в прогрессивно настроенных кругах белорусско-украинского православного общества стремление сохранить «русский язык», традиционную духовность, религию сочеталось с осознанием необходимости приобщения к передовой западноевропейской культуре. Примером подобной позиции может служить testament 1577 г. брацлавского каштеляна Василя Загоровского¹⁰.

На сохранение белорусского языка в качестве государственного, его защиту от польской языковой экспансии были направлены соответствующие статьи Статутов 1566 и 1588 гг.¹¹ И в этом огромная заслуга Льва Ивановича Сапег, который в предисловии к Статуту 1588 г. не без гордости отмечал, что «не обчым яким языком, але своим власным права списаные маем»¹². Статутом предписывалось, что «писар земский маеть по-руску литерами и словы рускими все листы, выпишы и позвы писати, а не иным языком и словы»¹³. Национально-культурная ориентация белорусской мысли была тесно связана с этнической самоидентификацией. основополагающая роль славянского культурного фактора в ВКЛ ярко выражена в известных поэтических строчках Ивана (Яна) Пашкевича (1621): «Польска квитнеть лациною, Литва квитнеет русчиною...»¹⁴. Самоидентификация типа «русин», «братия моя Русь» была присуща Франциску Скорине и многим другим деятелям белорусской культуры и просвещения¹⁵.

В полемике между сторонниками католической и православной ориентаций одним из камней преткновения был «словенский» язык, который являлся языком православной Литургии и богослужебной литературы. Так, в известной книге «О единстве Церкви Божией» (1577 г.) с резкими заявлениями о культурной, в том числе языковой, отсталости белорусов и украинцев выступил иезуит Петр Скарга. Он утверждал, что «со славянским языком никто ученым быть не может... Потому что на свете нет нации, которая бы на нем, как в книгах записано, говорила, а своих правил, грамматик и пособий для обучения (у славян. – В.С.) нет и их иметь не могут»¹⁶. В дальнейшем проблема языка, культуры вообще стала одной из су-

⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собран. и изд. Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1851. С. 20.

⁹ *Саверчанка І.В.* Старажытная поэзія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. Мн., 1992. Дадатак. С. 190.

¹⁰ *Гарэцкі М.* Хрыстаматыя беларускае літаратуры. XI век –1905 год. Вільня, 1922. С. 37–38; *Возняк М.* Історія української літератури. Т. 2. Ч. 1. Львов, 1921. С. 33.

¹¹ *Мікулич Т.М.* Мова і этнічная самасвядомасць. Мн., 1996. С. 73.

¹² Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, давед. камент / гал. рэд. І.П. Шамякін і інш. Мн., 1989. С. 48.

¹³ Там же. С. 140.

¹⁴ Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / склаў А.Ф. Коршунаў. Мн., 1959. С. 335.

¹⁵ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. С. 24, 33.

¹⁶ Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 2 (Русская историческая библиотека. Т. 7). СПб., 1882. С. 485–486.

шественных тем обострившейся на рубеже XVI–XVII вв. религиозной полемики. Стремление доказать ошибочность позиции «польского Златоуста», показать, что «русский» народ обладает литературным языком, вполне способным обслуживать нужды науки, соединилось с национальными, общекультурными и конфессиональными задачами. Это ускорило создание первых славянских грамматик. В 1596 г. вышла «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания, в 1619 г. – «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, в 1627 г. – «Лексикон славеноросский» Памвы Беринды. В самой православной среде альтернативой церковнославянскому («словенскому») выступал литературный белорусский язык, или «простая мова»¹⁷. Ширилась практика перевода религиозных книг на живой народный язык.

Свидетельством секуляризации общественного сознания является эволюция понятия «отчизна». Его знала и литература XV в., но в то время оно применялось преимущественно в узком, собственническо-владельческом значении и лишь по мере национального становления и усиления централизованной верховной власти стало общегражданским понятием¹⁸. Осознание своей сопричастности к жизни, судьбе народа и страны в целом присуще всем мыслителям-гуманистам XVI–XVII вв. Понятия «родина», «отчина», «отчизна» присутствуют в текстах предисловий Скорины¹⁹. Свое «отечество – край чудес и загадок» прославлял Николай Гусовский²⁰. К служению «отчизне» призывал Симон Будный²¹. Провозглашая высшей целью человека служение «отчизне», Василий Тяпинский писал, что «... готов, если она до конца згинет, з нею згинуть, або, если... будет воздвигнена, з вами и з нею выбринуть»²². В общегосударственном значении слово «отчизна» применялось в предисловии к Статуту 1588 г.: «... человеку почтивому ничего нет мильшого над тое, гды во отчизне своей беспечне меншкаючы не боитсе...»²³. В некоторых религиозных изданиях в значении «отчизны» выступал загробный мир благодати²⁴, однако в целом и здесь превалировало земное понимание «отечества»²⁵. Патриотическая идея нередко отождествлялась с идеей религиозно-конфессиональной, патриотизмом провозглашалась забота о «вере старожитной» – православии²⁶.

Особое место в общественно-философской мысли и историософии славян второй половины XVI в. занимает «Хроника Польская, Литовская, Жмудская и

¹⁷ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. С. 18, 32, 64, 70, 74, 89–92.

¹⁸ Каўка А. Тут мой народ: Францішак Скарына і беларус. літ. XVI – пач. XX ст.ст. Мн., 1989. С. 62.

¹⁹ Скарына Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, паскалія (далее – Творы...) / уступ арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А.Ф. Коршунава; паказальнікі А.Ф. Коршунава, В.А. Чамярыцкага. Мн., 1990. С. 70, 45, 49.

²⁰ Антологія педагогічнай думкі Беларусі / сост. Э.К. Дорошэвіч і др. М., 1986. С. 62.

²¹ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. С. 26.

²² Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избран. произведения XVI – начала XIX в. С. 90.

²³ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588... С. 47.

²⁴ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. С. 61.

²⁵ Там же. С. 68–69, 85.

²⁶ Там же. С. 43, 50, 57, 60, 94.

всей Руси» Матей Стрыйковского – общекультурное достояние белорусов, украинцев, литовцев и поляков. Хроника свидетельствует о ренессансной тенденции мировоззрения историографа. Движущей силой исторического процесса у него выступал не столько Бог, сколько человек, чья деятельность обусловлена реальными – военно-политическими, экономическими и духовно-культурными мотивами. Стрыйковский чрезвычайно высоко оценивал общественное значение политической свободы, исходит из целостности человеческой истории, взаимосвязи в ней прошлого, настоящего и будущего. Проявляя широкую философскую эрудицию в рассуждениях о происхождении мира, человека и власти, автор демонстрировал собственную приверженность христианской концепции возникновения мира и человека. В то же время он утверждал деятельностно-практическую жизнь человека, главным ее стимулом считал не загробное воздаяние, а земную славу и историческое бессмертие в памяти потомков, что достигается в деяниях «ради отчизны и общественного блага». Смысл истории, ее основное содержание автор усматривал не столько в моральном опыте, сколько в опыте теоретическом – политическом, социальном, духовно-культурном. Поэтому история является «совершеннейшей учительницей, сокровищем человеческой жизни»; она – «ключ ко всякому прошлому, наставница свободных наук и ремесел, всяких деяний... живой источник мудрости и добродетелей»²⁷.

Идеи свободы религии, правового общества и государства в ренессансном гуманизме

Гуманистическое и реформационное движение явилось основой для разработки концепции свободы личности. В произведениях ряда мыслителей ренессансного периода анализируются такие ее элементы, как духовная и вероисповедная свобода, равенство перед законом, экономическая свобода, право на участие в управлении государством. Потенциально идея свободы личности заметна уже в творчестве Скорины, проявилась в переводе библейских книг на народный язык, вольном обращении с библейскими текстами, рациональном их толковании, элементах идеи личностного отношения к Богу и вере. Идеалы духовной свободы нашли отражение во взглядах многих идеологов Реформации, в частности в их требовании свободного толкования Священного писания, личной веры и согласования с ней разума. Мыслители-гуманисты отстаивали идею интеллектуального плюрализма, выступали за свободное выражение мнений, терпимость к своим идейным противникам. «Я никому не навязываю своего мнения, каждый может писать и говорить, как ему будет угодно», – писал С. Будный. Схожие взгляды высказывал и другой известный деятель Реформации – Ян Намысловский²⁸.

²⁷ Падокишын С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры. Мн., 2003. С. 54–60.

²⁸ Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии (дооктябрьский период). Мн., 1977. С. 28–29.

Особое значение для сложного в этноконфессиональном отношении и ВКЛ, и Речи Посполитой, а затем и Беларуси имела разрабатываемая мыслителями-гуманистами концепция религиозной свободы. Философия толерантности, уважения к иному являлась неотъемлемым атрибутом гуманистической этики Скорины, что даже позволило некоторым исследователям усматривать в его творчестве истоки раннего экуменического движения²⁹. Поэтизируя миролюбивый характер белорусов, Н. Гусовский также выступал против таких порядков, когда другой народ «топит в крови иноверцев, сжигает селения», когда «вера велит ненавидеть другого»³⁰. Отстаивая право человека на свободное религиозное самоопределение, С. Зизаний писал в «Казанни Святого Кирилла, Патриарха Иерусалимского»: «Не только до ереси отщепенства, але и до широе веры през гвалт и войну абы жадного не притягали»³¹.

Существенную роль в становлении идеологии религиозной свободы сыграло реформационное движение. Некоторые деятели протестантизма, как представители новой конфессиональной культуры особенно ясно осознавали важность и необходимость ситуации веротерпимости. Мартин Чеховиц был убежден, что «никто никого не должен принуждать к своей вере», а «каждый, кто исповедует свою веру, должен пользоваться широкой свободой»³². Общенациональные интересы для протестанта В. Тяпинского были выше религиозных разногласий. Уважительно относясь к православию и принятому в Греческой Церкви церковнославянскому языку, он издал Евангелие «двема языки зараз, и словенским и при нем тут то руским, а то набольший словенским... яко они вси (православные. – В.С.) везде во всех церквах чтут и мают» для «лепшое их Вери» и «их самих цвичения»³³. Отстаивая и пропагандируя идеи Реформации, критикуя традиционные христианские конфессии за «отступление» от евангельских истин³⁴, С. Будный в то же время призывал не конфликтовать из-за веры: «...не дай Боже, чтобы воевать за веру, это обычай безбожных людей»³⁵. Андрей Волан выступал с осуждением религиозных войн, доказывал, что люди «вольны поступать так, как им подсказывает совесть», что свобода является врожденным свойством человеческой природы³⁶.

Благотворность ситуации конфессионального плюрализма была отмечена белорусской мыслью. «Золотой век» стал метафорой второй половины XVI в., вре-

²⁹ *Конан У.М.* Беларуская культура XIII – XVII стаг. і праблема нацыянальнага Адраджэння // Наш Радавод / под ред. Д.В. Карева. Кн. 3. Ч. 2. Гродно, 1991. С. 293–298; Великою ласкою: Францишек Скорина в традициях славянского просветительства. М., 1994. С. 14–17.

³⁰ Антология педагогической мысли Белорусской ССР. С. 65.

³¹ *Зизаний С.* Казанне святого Кирилла, Патриарха Иерусалимского, о антихристе и знаках его, з разширением науки против ересей разных. Вильна, 1596. С. 34.

³² *Literatura arianska w Polsce XVI wieku. Antologia.* Warszawa, 1959. s. 480.

³³ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI – начала XIX в. С. 88.

³⁴ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. С. 27.

³⁵ *Саверчанка І.В.* Сымон Будны – гуманіст і рэфарматар. Мн., 1993. С. 117.

³⁶ См.: *Сокол С.Ф.* Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. Мн., 1984. С. 59–63; Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии (дооктябрьский период). С. 30.

мени относительной веротерпимости и гражданского согласия в ВКЛ (мемуары Федора Евлашовского, «Лабиринт» Фомы Иевлевича, «Синописис» 1632 г. и др.)³⁷. В «Записках...» Евлашовского приводится весьма красноречивый пример толерантности в отношениях между католиками и протестантами. Автор рассказал о своем пребывании в гостях у виленского католического священника («каноника») Бартоломея Недвидского. Бывшие там итальянцы, узнав, что Евлашовский «евангелик», т.е. протестант, «дивовали се барзо, яко ме смел князь каноник на обед свой зывать». Недвидский объяснил: «В нас з того жадна ненависть не быва и милуемы се яко з добрыми приятлы», — на что «влохи» заявили, что «ту Бог живе, а гганили свое домовэ права»³⁸. Веротерпимость царила в основанной Яном Кишкой Ивьевской школе, ректором которой в 1585–1593 гг. был известный гуманист Ян Лициний Намысловский³⁹. «Приходите же все, кому дорога родина, — приглашала учеников Слуцкая кальвинистская школа, — вероисповедание не представляет для нас никакого значения... пусть никого не оттолкнет от нашего порога расхождение в религии»⁴⁰. О толерантных отношениях между католиками и православными в XV–XVI вв. (в отличие от XVII в.) свидетельствуют братские уставы, согласно которым в эти организации могли «вписываться» и принимали участие в братских застольях «люди духовные якож кольвек стану, Римской веры и Греческой»⁴¹. Дух либеральных идей Возрождения, религиозная толерантность во многом определили характер мировоззрения белорусских мыслителей XVI–XVII вв.⁴²

Воспитанная в духе религиозной терпимости, часть польской, белорусской и украинской, прежде всего протестантской, шляхты отрицательно отнеслась к избранию на трон Речи Посполитой непримиримого католика Генриха Анжуйского, причастного к известным событиям 24 августа 1572 г. в Париже (Варфоломеевская ночь). С. Будный даже издал в переводе на польский язык книгу Фриза «О фуриях,

³⁷ *Свяжынскі У.М.* «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. Мн., 1990. С. 91; Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури. Київ, 1984. С. 270; *Бантыш-Каменський Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении (далее – Историческое известие о возникшей в Польше унии...). М., 1805. С. 90–91; см. также: История Беларуси: вопросы и ответы / сост. Г.Я. Голенченко, В.П. Осмоловского. Мн., 1993. С. 26–28; *Старостенко В.В.* «Лабиринт» Фомы Иевлевича: Из истории национально-культурной и религиозной жизни Могилёва и Беларуси конца XVI – первой половины XVII в. Могилёв, 1998. С. 41–42. Прим. 51; *Он же.* «Золотой век» и эпоха Возрождения в Беларуси // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: национальный и глобальный контекст. Мн., 2010. С. 707–710; Энциклопедія гісторыі Беларусі: у 6 т. / гал. рэд. Г.П. Пашкоў і інш. Т. 3. Мн., 1996. С. 398.

³⁸ *Свяжынскі У.М.* «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. С. 91.

³⁹ См.: *Блинова Т.Б.* Из истории религии, свободомыслия и атеизма на Гродненщине в XVI – XVII вв. // Научный атеизм и атеистическое воспитание: сб. ст. / сост. А.А. Зарицкий; под ред. А.А. Круглова. Мн., 1989. С. 70.

⁴⁰ Антология педагогической мысли Белорусской ССР. С. 95.

⁴¹ *Брага С.* Доктар Скарына ў Маскве / прадм. Г. Сагановіча. Мн., 1993. С. 43; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 37.

⁴² *Падохиын С.А.* Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. Мн., 1990.

или о шаленствах французских», где описывалась жестокая расправа католиков с протестантами-гугенотами⁴³. Обращает на себя внимание недоброжелательное отношение к Генриху Валуа белорусско-литовского летописания⁴⁴.

Веротерпимостью отличались взгляды Михалона Литвина, автора трактата «О нравах татар, литовцев и москвитян». Он стремился без конфессиональной предвзятости оценить все то позитивное, что есть в культуре и традициях разных народов, даже тех, которые нередко выступали военными противниками «Литвы». Так, Литвин признавал «дельность», «воздержание», «храбрость» москвитян и татар, одобрительно отзывался об их нравственном облике; обратил внимание на справедливость их судопроизводства⁴⁵.

Толерантность не являлась абсолютной и безграничной. Отношение к инакововерующим нехристианским народам и вероисповеданиям определялось конкретно-историческими условиями. Так, в сочинении Литвина зафиксированы свойственные некоторой части общества антиеврейские настроения: «В эту страну собрался отовсюду... народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, подписи, печати, на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы...» В то же время Литвин, старавшийся отыскать в жизни любого народа положительные черты, обращал внимание на развитую в еврейской среде солидарность, готовность прийти на помощь единоверцу: «Не допускают никого из своего народа умереть от бедности: так сильна в них любовь к ближнему»⁴⁶. Весьма категоричен в оценке поведения белорусских евреев могилевский хронист Трофим Сурта. Формирование данного негативного стереотипа исторически связано как с социально-экономическими обстоятельствами (столкновением реальных интересов христианской и еврейской части купеческого населения)⁴⁷, так и с отрицательным восприятием иудаизма в христианской духовно-культурной традиции. Противопоставление религиозной ценности иудаизма и христианства присутствует в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, «Повести временных лет», «Слове о слепцы и о зависти жидов» Кирилла Туровского, предисловии к «Книге Премудрости» Ф. Скорины и др.⁴⁸ В то же время автор Баркулабовской летописи с явной симпатией относится к пожелавшей

⁴³ Саверчанка І.В. Сымон Будны – гуманіст і рэфарматар. С. 42.

⁴⁴ См.: Полное собрание русских летописей. Т. 32. М., 1975. С. 117; Коялович М. Литовская церковная уния. Т. 1. СПб., 1859. С. 38.

⁴⁵ См.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2, вторая половина. М., 1854. Отд. V. С. 1–77 (с. 27, 33, 37 и др.).

⁴⁶ Там же. С. 47, 33.

⁴⁷ Марзалюк І. Хрысціянне і габрэі Вялікага Княства Літоўскага // ARCHE. 2000. № 3. С. 40–49; Марзалюк І.А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI–XVIII ст.ст. Мaгілёў, 2007. С. 107–146.

⁴⁸ Старостенко В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.). Могилев, 2001. С. 161–162; Лобач У. Да гісторыі фарміравання негатывнага этна-стэрэатыпа адносна яўрэяў на Беларусі // Нацыянальныя меншасці Беларусі: тэматычны зб. навук. прац. Кн. 2. Брэст; Мн.; Віцебск, 1996. С. 16–21; Старостенко В.В. Еврейско-иудейское сообщество в отражении общественной мысли ВКЛ и Речи Посполитой // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. Гродно, 2010. С. 158–162.

обратиться «у веру христианскую» некой «жидовке именем Стирка». Описанная им процедура крещения прошла в день Сошествия Святого Духа при стечении множества панов, шляхты, женщин и детей. Наоборот, мать-иудейка новоприобретенной христианки Елены осуждается за то, что «поганскими чарами... дочке своей чинила», «много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была»⁴⁹.

Одним из наиболее существенных достижений белорусской общественно-философской, политической и правовой мысли стало закрепление идей веротерпимости в законодательстве – великокняжеских и королевских грамотах 1563 и 1568 гг., Статутах ВКЛ, других юридических актах, а также решениях Варшавской конфедерации 1573 г. Для «союзу между подданными различной веры, для сохранения общего покоя, взаимным согласиём учиненному», «никому в собственной религии, обрядах, Богочтении, правах и вольностях нарушения не причинить» требовал указ Стефана Батория от 18 мая 1585 г.⁵⁰ В предисловии к Статуту 1588 г. канцлер Лев Сапега, обращаясь ко всем сословиям Великого княжества Литовского, провозгласил принцип свободы высшей ценностью: «В каждой речи посполитой порядочному человеку нет ничего дороже свободы»⁵¹. Последний Статут ВКЛ являлся одним из самых толерантных законодательных актов Европы того времени. Он включал полный текст манифеста религиозной терпимости – Акт Варшавской конфедерации 1573 г. Толерантность провозглашалась в третьей статье третьего раздела Статута, под названием «О сохранении в мире всех подданных наших жителей этого государства со стороны разного понимания и употребления христианского богослужения»: «А так как в Речи Посполитой существует не малая рознь в отношении веры христианской, предупреждая то, чтобы по этой причине между людьми столкновения какие-либо вредные не начались, которые в иных королевствах ясно видим, обещаем то себе совместно за нас и за потомков наших на вечные времена под обязанностью присяги, под верою, честью и совестью нашей, что мы, которые являемся разными в вере, мир между собой сохранять, а в связи с разностью веры и отличия в церквах крови не проливать...»⁵²

Безусловно, законодательное закрепление идеи веротерпимости и роль в этом правящей элиты ВКЛ и Речи Посполитой не должны идеализироваться. Либерализация религиозного законодательства шла, как правило, под влиянием угрозы распада страны по национально-конфессиональному признаку, роста внешней опасности, в условиях необходимости консолидации господствующего класса и народа в целом, прогрессирующего реформационного движения. Заметим, что феодалы-протестанты в 1569 г. занимали 38 мест в сенате Речи Посполитой из 73⁵³. Акт Варшавской конфедерации 1573 г. был принят под давлением сильной протестантско-

⁴⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 184.

⁵⁰ Белорусский архив древних грамот. Ч. 1. М., 1824. С. 42.

⁵¹ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588... С. 350.

⁵² Там же. С. 364.

⁵³ См.: Сокол С.Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. С. 201.

православной партии⁵⁴ «во время бескоролья» и отразил стремление сохранить «нераздельность Речи Посполитой» и гражданский мир: «...до покою много належасть, абы розницы межы станы гамовани (сдерживаемы. – В.С.) были...»⁵⁵ На процессы межконфессионального взаимодействия и религиозную терпимость на местах влияла конфессиональная позиция крупных земельных собственников и государственных деятелей – Острожских, Радзивиллов, Соломерецких, Воловичей, Сапег и др.⁵⁶ Права Греческой Церкви довольно успешно защищали православные феодалы, долгое время составлявшие большинство шляхетского сословия. Патронами реформатских церквей являлись в свое время Радзивиллы, Кишки, Воловичи и другие⁵⁷, успешно отстаивавшие права своей конфессии.

Необходимость сохранения конфессионального и общественного согласия, гражданского мира становится особенно актуальной после заключения Люблинской унии 1569 г. в связи с активизацией Контрреформации, усилением католической экспансии, авангардной силой которой являлся орден иезуитов⁵⁸. Идеологи Контрреформации занимали кардинально отличную от ренессансно-гуманистической позицию. Они отстаивали идеи превосходства католицизма над прочими вероисповеданиями и необходимости установления в Речи Посполитой единого католического пространства. «Где нет согласия на почве веры и Божиих дел, – утверждал Петр Скарга, – там его не может быть и в делах светских и политике»⁵⁹. В работе «Процесс против конфедерации» он выступил против Варшавского акта 1573 г., назвав его «диким, адским, волчьим, тиранским правом»⁶⁰. Духом религиозной нетерпимости проникнуто наиболее известное сочинение Скарги «О единстве Церкви Божией», о котором приверженцы Реформации говорили, что «оно пахнет кровью»⁶¹. Многие идеи Скарги, в том числе его нетерпимое отношение к иноверцам, были восприняты деятелями белорусско-украинского униатства, что высветила полемическая публицистика конца XVI – начала XVII в.

Борьба за религиозную свободу стала одной из важнейших составляющих общественного и национального сознания белорусов и украинцев XVII столетия. В связи с заключенной в 1596 г. и агрессивно реализуемой Брестской церковной унией в конце XVI в. произошло резкое обострение религиозно-этнических про-

⁵⁴ Завитневич В.З. Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории Западно-Русской полемики XVI и XVII вв. Варшава, 1883. С. 17.

⁵⁵ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588... С. 113.

⁵⁶ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 5. С. 126, и др.

⁵⁷ См.: Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.). Мн., 1970. С. 44; Франциск Скорина и его время: энцикл. справочник / гл. ред. И.П. Шамякин и др. Мн., 1990. С. 488–489.

⁵⁸ Криштапович Л.Е., Котляров И.В. Брестская церковная уния (прошлое и настоящее). Мн., 1996. С. 12–13.

⁵⁹ Skarga P. Kazania sejmowe. Warszawa, 1912. s. 312; Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). Мн., 1973. С. 84.

⁶⁰ Сокол С.Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. С. 109.

⁶¹ Мараш Я.Н. Ватикан и Католическая Церковь в Белоруссии (1569 – 1795). Мн., 1971. С. 53; Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). С. 84.

тиворечий и конфессионального противостояния. Акт 1573 г. и Статут 1588 г. не воспрепятствовали деятельности Контрреформации. Православно-протестантский съезд 1599 г. констатировал: «Вопреки сей конфедерации (1573 г. – В.С.), вопреки привилегиям и грамотам... уже свободой, принадлежащею отчинам и сынам сей республики... похвалиться не можем»⁶². С 1596 по 1660 г. не было принято ни одного постановления, изменявшего законодательство в ущерб православию⁶³. Но огромное количество политико-юридических актов, гарантировавших права Православной Церкви, не стали серьезным препятствием насилию и дискриминации в отношении ее приверженцев в конце XVI – XVII вв.: «Что терзает наши утробы? То, что права наши нарушены и вольность попорана; священные храмы... запечатаны... Знаменитые наши особы изгнаны из правительства только за то, что они Русские...»⁶⁴, – говорилось в «Синописе» 1632 г.

В то же время конец XVI – XVII в. показали, что толерантный белорусский народ не был склонен пассивно наблюдать, как нарушаются его «старожитные свободы». История в очередной раз подтвердила, что «всякие насильственные меры в деле религиозной миссии не только не ведут к желанной цели, но и, напротив, всегда неминуемо влекут за собой сопротивление»⁶⁵. Мощное давление на правительственную политику оказывало казачество⁶⁶. «На запорожских казаков нужно оглядываться, чтобы они не сделали нам чего худого, – писал в 1621 г. Иосифу Рутскому Лев Сапега, – у них сила много значит»⁶⁷. А в дальнейшем народные выступления 1648–1650 гг. вынудили напуганного ими Яна Казимира даже дать формальное обещание (в грамоте 1650 г.) «унию истребить»⁶⁸. Широкое братское движение, позиция трезво мыслящих политиков и патриотически настроенной шляхты и казачества, твердость и в то же время гибкость части белорусского и украинского православного духовенства привели к определенным уступкам со стороны правительства. В 1632–1635 гг. были приняты и начали действовать так называемые «статьи успокоения религии греческой», признана легитимность православной веры и иерархии. Подписавший «статьи» Владислав IV пошел на этот шаг, нуждаясь в поддержке православных депутатов для своего избрания на трон Речи Посполитой.

⁶² Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности: (Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России», и из других печатных источников). Вып. 2. Вильна, 1866. С. 18–19.

⁶³ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. С. Шолкович. Вып. 1. Вильна, 1885. С. 156; Очерк отношений Польского государства к православию и Православной Церкви. Киев, 1866. С. 3.

⁶⁴ Бантыш-Каменский Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии... С. 89–90.

⁶⁵ Завитневич В.З. Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории Западно-Русской полемики XVI и XVII вв. С. 11.

⁶⁶ Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1991. С. 146–153; Коялович М. Литовская церковная уния. Т. 2. СПб., 1861. С. 195–213; Сокол С.Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. С. 143–172.

⁶⁷ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 2. Вильна, 1867. С. 30.

⁶⁸ См.: Бантыш-Каменский Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии... С. 113. Прим.

Те же, как отмечалось в королевском декрете, «не хотели приступить к окончанию сейма, дабы все в статьях изображенное получить»⁶⁹. Однако половинчатость принятых решений, сохранение ряда дискриминационных норм (запрет «неуниатам» иметь церкви в Полоцке, Витебске и Новогрудке и др.) не решили проблемы кардинально, они лишь снизили на время накал религиозного противостояния⁷⁰.

Религиозный вопрос в Речи Посполитой вновь обострился в результате войн середины XVII в. Росла религиозная нетерпимость к «диссидентам». В 50-х гг. из страны были изгнаны социниане⁷¹, в 1668 г сейм запретил под угрозой изгнания переходить из католицизма в другие вероисповедания⁷². В этом постановлении прямо предписывалось: «Ариане и отступники от католической веры, равно как и от унии, перешедшие в другое вероисповедание, не должны пользоваться покровительством сеймовых конституций, обеспечивающих свободу вероисповеданий... отступников же вышеупомянутых должно наказывать изгнанием из отечества...». Решение это предопределило всю конфессиональную политику Речи Посполитой на протяжении XVII–XVIII вв.⁷³ К концу столетия, несмотря на конфессиональные пункты «Вечного мира» 1686 г. между Речью Посполитой и Россией, католическая экспансия усилилась⁷⁴. Ширилась практика отнятия православных и протестантских церквей, изгнания православных из магистратов и т.п.⁷⁵ В иезуитских кругах разрабатывался «проект уничтожения» не только православного, но и униатского вероисповедания⁷⁶. Всеобщая конфедерация 1696 г. постановила перевести государственное делопроизводство на польский язык⁷⁷. «Чем дальше, тем все больше и больше сейм терял политический разум. Все чаще и чаще издаются постановления

⁶⁹ См.: Уния в документах: сб. / сост. В.А. Теплова, В.И. Зуева. Мн., 1997. С. 204; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 488.

⁷⁰ См.: *Бантыш-Каменский Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии... С. 95–108. Прим.: Уния в документах: сб. / сост. В.А. Теплова, В.И. Зуева. № 54–55, 58, др.; см. также: 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / пад рэд. М.В. Біча і П.А. Лойкі. Мн., 1996. С. 71–77; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 6. С. 482–510; *Mironowicz A.* Prawoslawie i unia za panowania Jana Kazimierza. Białystok, 1997. s. 51–62.

⁷¹ См.: *Подокшин С.А.* Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.). С. 95.

⁷² *Мальдзіс А.І.* На скрыжаванні славянскіх традыцый: Літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII – XVIII ст.ст.). Мн., 1980. С. 26

⁷³ *Теплова В.А.* Брестская церковная уния: предыстория, причины и следствия // Уния в документах: сб. / сост. В.А. Теплова, В.И. Зуева. С. 47.

⁷⁴ *Васюк Г.В., Карев Д.В.* Православная Церковь в ВКЛ и Польше в XIV–XVIII вв. // Наш Радавод / под ред. Д.В. Карева. Кн. 3. Ч. 2. С. 205–206; *Игнатенко А.П.* Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII – XVIII в.). Мн., 1974. С. 41–46; Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. С. Шолкович. Вып. 1. Вильна, 1885. С. 156–157; *Mironowicz A.* Prawoslawie i unia za panowania Jana Kazimierza. s. 322.

⁷⁵ Белоруссия в эпоху феодализма: сб. док. и мат-лов: в 3 т. Т. 2. Мн., 1960. № 246–249; *Крайні Ян.* Рэліцыя пра гаротны стан царквы Хрыстовае // Спадчына. 1993. № 1. С. 98–102; Уния в документах: сб. / сост. В.А. Теплова, В.И. Зуева. № 78–81, 83–86, др.

⁷⁶ Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности... Вып. 1. С. 6–16.

⁷⁷ Белоруссия в эпоху феодализма: сб. док. и мат-лов: в 3 т. Т. 2. № 250.

против диссидентов...»⁷⁸, – оценивал ситуацию В. Игнатовский. В 1732 г. диссиденты были лишены права избираться послами на сеймы, в трибуналы и какие-либо комиссии. Сейм 1764 г. принял постановление карать смертью переходящих из католицизма в другие вероисповедания⁷⁹. В 1766 г. сейм утвердил как закон предложение краковского бискупа считать «врагом государства каждого, осмеливающегося выступить на сейме с речью в пользу иноверцев»⁸⁰.

Отказ правительства Речи Посполитой от политики веротерпимости, усиливавшаяся национально-религиозная дискриминация способствовали обесцениванию понятия «отечество», существенно ослабляли патриотические чувства граждан, послужили одной из основных предпосылок распада Речи Посполитой. В условиях создания в стране антиправительственных конфедераций и прямого давления России, Австрии и Пруссии предпринимались попытки смягчить религиозное законодательство. Так, свобода вероисповеданий при сохранении государственного статуса католицизма была продекларирована в так называемой Конституции 3 мая 1791 г., однако это уже не смогло остановить процесс крушения политического режима Речи Посполитой. Случилось то, о чем предупреждали патриоты на рубеже XVI–XVII вв., видевшие в религиозном насилии и отходе от толерантности угрозу общему благу, единству, целостности общества, суверенитету страны: «Вижу, иж то к остатней згубе всея короны Польское идет: бо за тым ниhto своего права, ани вольности беспечен уже не будет, и в коротком часе приидет до великого замешаня...»⁸¹ Пророческими стали слова короля Яна Казимира на сейме 1661 г.: «Придет время, когда Рѣчь Посполитая, ослабленная собственными раздорами, сдѣлается добычею сосѣдей: Бранденбургія возмет Пруссію, Москва Русь Бѣлую, Австрія Краков. О! да буду я лжепророком»⁸². В результате трех разделов Речи Посполитой белорусские земли входили в состав России, и религиозные отношения стали регулироваться здесь имперским законодательством.

По существу, на рубеже XVI–XVII вв. в истории Беларуси и Украины произошёл своего рода «цивилизационный разлом». Государство и правящая элита отказались от выработанной ренессансно-гуманистической мыслью концепции веротерпимости, религиозный выбор был сделан в пользу унии, насильственной католической конверсии белорусов. Этот выбор предопределил драматизм последующего религиозного и национально-культурного развития Беларуси и Украины, заложил многие конфессиональные и политические конфликты и противоречия, не разрешенные и по сей день. Но предметом гордости белорусского народа оста-

⁷⁸ *Игнатоўскі У.М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. С. 139.

⁷⁹ *Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Са старажытных часоў да канца XVIII ст.: курс лекцый / скл. І.П. Крэнь, І.І. Коўкель, С.В. Марозава, С.Я. Сяльверстава, І.А. Фёдараў.* Мн., 2000. С. 565.

⁸⁰ *Игнатоўскі У.М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. С. 139.

⁸¹ Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше. СПб, 1865. С. 186.

⁸² *Турчинович О.* Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857. С. 237.

ется то, что именно в его духовной культуре сложилась философия толерантности, лежащая в основе современной цивилизации⁸³.

Ренессансно-гуманистическое понятие свободы наряду с понятием свободой вероисповедания предполагало относительное равенство перед существующим законом, неприкосновенность жизни и имущества. Требование равенства, как правило, основывалось на теориях естественного права и общедоговорного происхождения государства. В сочинениях А. Волана («О политической, или гражданской, свободе», «О счастливой жизни, или о наивысшем человеческом благе», «О государе и его личных добродетелях»), как и в работах выдающегося белорусского правоведа, главного редактора Статута Великого княжества Литовского 1588 г. Л.И. Сапеги довольно отчетливо выражена идея правового общества и государства. Ее основным содержанием являются: гарантированная законом защита личных и имущественных прав человека; юридическое закрепление прав и обязанностей сословий, ограничение феодального произвола; установление авторитета закона, решение спорных вопросов в судебном порядке и т.д. В начальном виде идея правового общества присутствует уже в работах Ф. Скорины. Дальнейшее развитие она получила в трудах М. Литвина, С. Будного и других мыслителей-гуманистов. А. Волан и Л. Сапега придали ей более или менее выразительный и теоретически оформленный вид.

А. Волан стремился доказать, что свобода – важнейшее врожденное свойство человеческой природы. И в зависимости от того, насколько то или иное государство обеспечивает ее реализацию, определяется степень его зрелости и совершенства. Закон, по его мнению, есть важнейшее средство, обеспечивающее существование свободы в обществе. Волан придерживался принципа, согласно которому нет свободы без закона и нет закона без свободы. «Чтобы быть свободными, мы должны быть рабами законов», – привел он известное изречение Цицерона, цитируемое также и Львом Сапегой в предисловии к Статуту ВКЛ 1588 г. Законы корректируют человеческую деятельность, направляют ее на разумный, нравственный путь⁸⁴. Сфера закона, полагали мыслители-гуманисты, должна распространяться на все сословия общества, в том числе на верховную власть.

Как и у Волана, свобода – фундаментальное понятие социально-политической теории канцлера Великого княжества Литовского, главного редактора Статута 1588 г. Л.И. Сапеги (1557–1633). Сущность свободы, по его мнению, составляют неотчуждаемые права человека – собственности, личной безопасности, свободы религиозного и политического выбора и др. Эти права должны быть закреплены в законодательстве и поддерживаться государственной властью. Жизнь в соответствии с законом Сапега рассматривал обязательным условием общественного согласия. Подобно Волану, канцлер выступал сторонником конституционной монархии. В предисловии к Статуту ВКЛ им было заявлено: «...права сами себе создаем, как наиболее можем вольность свою во всем оберегаем... сам государь пан наш никакого

⁸³ Подокшин С.А. Проблема религиозного выбора в общественной жизни Беларуси XVI–XVII в. // Наш Радавод / пад рэд. Д.У. Карава. Кн. 4. Ч. 2. С. 453–461.

⁸⁴ Подокшин С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. С. 215–216.

верховенства над нами употреблять не может, единственно столько, сколько ему право допускает»⁸⁵.

Идея правового общества и государства явилась важным аспектом гуманизации правовой мысли, процесса секуляризации права и правовых отношений ВКЛ. Статуты ВКЛ 1529, 1566 и особенно 1588 г., свидетельствовали о формировании в стране светского законодательства, что объективно стало вызовом идеи господствующей роли в обществе церковного права. Становление общегосударственного светского правопорядка «... было ударом по авторитету Церкви в области законодательства, подрывало ее позиции и влияние в обществе»⁸⁶.

В период активизации феодально-католической Контрреформации с конца XVI в. важнейшим аспектом понимания свободы личности становится свобода религии и религиозного самоопределения, что наиболее ярко отразила полемическая литература относительно Брестской церковной унии⁸⁷.

Развитие свободомыслия и материалистическо-атеистическая тенденция в мысли второй половины XVI в.

Отечественное свободомыслие второй половины XVI в. развивалось как в религиозных, так и в светских формах. Религиозное свободомыслие во многом определялось распространением идей Реформации. Влияние на белорусскую Реформацию оказали Ф. Косой, Артемий и другие русские еретики, деятели западноевропейского протестантизма. Реформационное движение в ВКЛ институировалось главным образом в формах кальвинизма, антитринитаризма (арианство) и лютеранства. С. Будным была создана оригинальная рационалистичная антитринитарная концепция. Отрицая догмат Троицы, Божественность Христа, автор утверждал ценность индивидуального человеческого разума, гуманистически интерпретировал основания человеческой нравственности. Получила развитие радикальная доктрина левых антитринитариев. Рационалистическая критика традиционных религиозных институтов и рационализация религиозной философии прослеживается в идеологии сочинянства. Специфические тенденции к реформированию Церкви можно выявить в братском движении⁸⁸.

⁸⁵ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588... С. 350.

⁸⁶ Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии / сост. Е.С. Прокошина, Л.Л. Короткая, А.А. Чудникова и др.; науч. ред. Е.М. Бабосов, Г.М. Лившиц. Мн., 1978. С. 97.

⁸⁷ См.: Кутузова Н.А. Проблемы национальной идеи и религии в полемической литературе Беларуси первой половины XVII в. // Гуманітарна-эканамічны веснік. 1996. № 2. С. 82–88; Она же. Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси конца XVI – первой половины XVII в. Мн., 2005; Падокшын С.А. Іпацiй Пацей: царк. дзеяч, мыслiцель, пiсьменнiк на пераломе культур.-гiст. эпох. Мн., 2001; Саверчанка І.В. Aurea mediocritas: Кнiжна-пiсьмовая культура Беларусi: адраджэнне i ранняе барока. Мн., 1998; Старостенко В.В. Полемическая литература как источник изучения процесса становления национального самосознания белорусов // Наш Радавод / пад рэд. Д.У. Карава. Кн. 7. Гродна, 1996. С. 220–223; Она же. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.). С. 70–99; др.

⁸⁸ Старостенко В.В. Протестантизм и братское движение в Беларуси // Канфесiі на Беларусi: гiсторыя, сучаснасць. Брэст, 2005. С. 241–244.

Элементы свободомыслия выявляются при осмыслении отечественными ренессансными гуманистами проблем национально-культурного и политического самоопределения народа, получает развитие естественная теория происхождения права и морали, общедоговорная теория происхождения общества и государства; о гуманизации правовой мысли, процессе секуляризации права свидетельствует развитие идеи правового общества и государства. В тесной связи со свободомыслием, идеями свободы личности формировалась идеология веротерпимости, как предпосылка свободы совести был сформулирован принцип свободы вероисповедания. Но особое место в широком спектре выражения свободомыслия в XVI в. занимала атеистическая тенденция.

Материалистическо-атеистическое направление в белорусской ренессансно-гуманистической мысли XVI–XVII вв. было представлено в основном такими именами, как Стефан (Степан) Григорьевич Лован (вторая половина XVI в.), Каспер Бекеш (1520–1579) и Казимир Лыщинский (1634–1689). Идейнными источниками этого направления являлись: белорусская религиозная рационалистическая и натуралистическая традиция; атеистические и материалистические идеи эпохи Возрождения; античная этика, и прежде всего учение о морали Эпикура⁸⁹. Белорусско-литовских материалистов XVI–XVII вв. нередко называли эпикурейцами.

Белорусский философ-эпикурец Стефан Лован считал, что не существует иного бытия, кроме вечно существующего реального материального мира, который «стоит от века», и этот никем не сотворенный мир «так веки веком будет»⁹⁰. Лован полностью исключал Божественное вмешательство в человеческую жизнь («штоколькок есть на свете, то все само праз себе»), отвергая тем самым религиозно-теологическое учение о Божественном происхождении морали, загробном возмездии и т.д. Известно, что в связи со своими радикальными взглядами атеист в 1591 г. был вызван королем Речи Посполитой Сигизмундом III на суд Главного трибунала. В королевском «Позыве одному рускому секты епикуровой» изложена сущность взглядов Лована: он отрицал библейское сказание о сотворении мира Богом из ничего; полагал, что мир существует вечно; отвергал бессмертие души и потусторонний мир; утверждал, что нет ни рая, ни ада. «Кому лихо – тут пекло, а кому добро – тут рай»⁹¹, – говорил Лован.

Но примечательно то, что в высшую судебную инстанцию земский судья Мозырского повета Стефан Лован вызывался не столько по обвинению в атеизме, сколько в связи с тем, что эти убеждения создали юридический казус. Государственную должность судьи по законодательству ВКЛ мог занимать только «чоловек хрестиянски». Но исследователи предполагают, что Лована не только не привлекли к ответственности, но и оставили в прежней должности. В XVI в. атеизм не считался криминалом, только в XVII в. с утверждением феодально-католической

⁸⁹ См.: Франциск Скорина и его время: энциклопедич. справочник / гл. ред. И.П. Шамякин и др. Мн., 1990. С. 570.

⁹⁰ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избран. произведения XVI – начала XIX в. С. 98.

⁹¹ Цит. по: Прокошина Е.С., Шалькевич В.Ф. Казимир Лыщинский. Мн., 1986. С. 20.

Контрреформации он был приравнен к государственным преступлениям⁹². Тогда и начались жесткие преследования вольнодумцев. Так, в 1611 г. королевский суд приговорил к смертной казни мещанина Ивана Тышковича только за то, что он, будучи арианином, отказался присягать на распятии Троицы. перед казнью «богохульнику» вырвали язык. Схожая судьба в том же году в Вильно постигла и другого арианина – Петра Франко. В середине XVII в. ариане под страхом смертной казни были изгнаны из Речи Посполитой⁹³.

Сходных с Лованом взглядов придерживался и гродненский атеист Каспер Бекеш. Он был известен отрицанием существования Бога, бессмертия души и других догматов христианской религии. Отрицая Божественное предвидение в жизни человека, Лован считал, что человек является абсолютным властителем своей судьбы. В анонимной стихотворной поэме, которая появилась после смерти Бекеша под пространством названием «Надпись и исповедание веры на гробу благородного Бекеша...», о его взглядах говорилось:

Все имею из себя; не хочу признавать Бога;
Не жажду его неба, ада не боюсь,
Милосердия не прошу, ничто не говорит за суд [после смерти];
Не ведаю греха и не знаю, чтобы перед кем-нибудь был в долгу,
Жил всегда сам по себе и был всегда старательным.
Не тревожусь относительно тела, тем более относительно души,
Умершей вместе со мною, я это должен смело признать;
Для меня не будет [существовать] того труда, который имеют другие,
Отыскивая свою душу, когда встанут из гроба...⁹⁴

Взгляды К. Бекеша и С. Лована были далеко не единичным явлением в идейной жизни XVI в. По сообщениям современников, на белорусских землях в эпоху Возрождения и Реформации было немало атеистов. Но последовательное и систематическое выражение атеистического мировоззрения получило в следующем столетии⁹⁵. Наиболее ярким выразителем концепции безрелигиозной морали в XVII в. стал Казимир Лыщинский.

© Старостенко В.В., 2010

⁹² Падокшын С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры. Мн., 2003. С. 289–290.

⁹³ См.: Падокшын С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.). С. 94–95.

⁹⁴ Цит. по: Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избран. произведения XVI – начала XIX в. С. 99.

⁹⁵ См.: Прокошина Е.С., Шалькевич В.Ф. Казимир Лыщинский. С. 19–20.